

умъ человѣка, чѣмъ глубже ученость у человѣка, тѣмъ глубже у него вѣра. Онъ понимаетъ, что предъ океаномъ безконечнаго онъ стоитъ съ своими познаніями, какъ жалкій нищій съ котомкою. Онъ понимаетъ, что есть безграничная область вещей, явленій, событій, о которыхъ онъ долженъ сказать: «не знаю», и не только это, но гораздо большее: «никогда не познаю». Здѣсь приходитъ въ помощь безсильному разуму вѣра, Откровеніе Бога и тамъ начинается свое дѣло, гдѣ наука и человѣчскій разумъ по необходимости свое собственное дѣло оканчиваютъ. Столкновенія между вѣрою и наукою, такимъ образомъ, по существу быть не можетъ.

Вѣра есть *геройство, дерзновеніе, отвага духа*. Ибо великое требуется мужество, чтобы подавить гордыню, чтобы признаться въ своемъ безсиліи, чтобы восторжествовать надъ собственнымъ самолюбіемъ. И какъ въ области нравственнаго смиреніе есть подвигъ, есть признакъ истинно-нравственной жизни, есть первая ступень къ совершенству, такъ и въ области разумной человѣческой и достойной жизни первымъ признакомъ человѣческаго достоинства является вѣра.

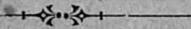
Вѣра есть для духа нашего—*молодость безъ старости*. Все старѣетъ, все изнемогаетъ, все идетъ къ ослабленію и упадку, къ разложению и смерти. Но вѣра, любовію споспѣшествуемая, или любовь, исходящая изъ вѣры и ею осмысленная и возвышенная, — *никогда же отпадаетъ*, по слову апостола (1 Кор. XIII, 8). Святой апостолъ Іоаннь Богословъ въ своемъ посланіи (гл. II) перечисляетъ различные возрасты духовной жизни человѣка. Онъ упоминаетъ отроковъ, юношей, мужей, но не упоминаетъ *старости*—старости въ области духа, живущаго вѣрою, нѣтъ. Вѣрою духъ всегда живъ, всегда держатъ, всегда ищетъ Бога, всегда дѣлаетъ человѣка мужемъ желанія. А это есть непрестающая жизнь.

Вѣра есть, наконецъ, *заслуга предъ Богомъ*—и отсюда она есть добродѣтель, усло-

віе нравственнаго совершенства и условіе вмѣненія намъ всѣхъ дѣйствій и поступковъ, руководимыхъ вѣрою. Ибо одна вѣра даетъ истинное познаніе добра и зла, побужденія къ добру и силы для служенія ему. Ибо одна вѣра даетъ намъ истинную сознательность и свободу, безъ которыхъ нѣтъ нравственной дѣятельности и, слѣдовательно, не можетъ быть вмѣненія намъ добра и зла. Вѣра же есть сама по себѣ подвигъ: надобно вѣдь не только нѣчто познать и признать,—не одно это. Познаніе той истины, что два раза два даетъ четыре, не составитъ само по себѣ намъ никакой заслуги. Надо нѣчто прибавить къ познанію, надо возвыситься надъ нимъ, надо войти усиліями духа въ область высшую, быть *человкомъ* въ истинномъ смыслѣ слова—ибо наблюдать природу, различать ея силы могутъ и животныя,—и тогда явится вѣра, и эта вѣра, отличая человѣка отъ животнаго, и составляетъ отличительный признакъ и достоинство человѣка и его заслугу предъ Богомъ.

Братіе! Будемъ молить Господа Иисуса словами апостоловъ: «Умножь въ насъ вѣру, Господи!» И будемъ твердо исповѣдывать, что въ вѣрѣ наше спасеніе, что съ вѣрою мы будемъ вѣчно живы, и что все, все возможно вѣрующему! Аминь.

Протоіерей Іоаннь Восторговъ.

Одинъ изъ невидныхъ стражей души народной.

(Изъ дневника епископа).

Помянухъ дни дровенія и поучался...

Наше мутное и смутное время невольно заставляетъ переноситься мыслию къ первымъ вѣкамъ христіанства, ко временамъ гоненій на вѣру Христову и страшно становится, когда помыслишь: какъ далеко ушли мы отъ тѣхъ вѣковъ—не говорю уже въ жизни, но и въ мысли, въ міро-

созерцаніи, въ самыхъ идеалахъ, столь помутившихся и потускнѣвшихъ въ нашемъ сознаніи...

Вотъ примѣръ. Древніе христіане называли смерть *успеніемъ, преставленіемъ*, а день смерти даже—*днемъ рожденія*—рожденіемъ въ другую лучшую жизнь. Оттого и праздновали день кончины мучениковъ и другихъ святыхъ какъ радостный праздникъ, какъ торжество надъ смертью. «Почиваетъ въ мирѣ», «почиваетъ во Христѣ»—вотъ обычные надписи на мѣстахъ погребеній въ древнихъ катакомбахъ, этихъ *усыпальницахъ*, гдѣ погребено до 300.000 мучениковъ... А нынѣ?... Пышныя надгробія, вовсе ненужные покойнику вѣнки, суета суетъ, которая однакоже стоитъ тысячи и сотни тысячъ,—стоитъ столько, что на эти деньги можно бы построить сотни храмовъ Божіихъ тамъ, гдѣ православная душа жаждетъ мѣста молитвы, но не имѣетъ сего утѣшенія,—храмы, въ которыхъ до скончанія вѣка приносилась бы безкровная Жертва за почившаго...

Но отвлечемъ очи свои отъ этой суеты. Утѣшимъ себя тѣмъ, что и въ наши дни есть рабы Божіи, отходящіе въ другую жизнь «въ мирѣ», съ надеждою воскресенія, какъ бы на временный покой послѣ трудовой жизни въ этой юдоли скорбей. У ихъ гроба какъ-то тепло становится на душѣ, мысль о смерти отходитъ на второй планъ, на мѣсто ея является созерцаніе таинства смерти... «Спитъ спокойно во Христѣ», думается, когда смотришь на спокойное лицо усопшаго, или лучше: «созерцаешь въ благоговѣніи то, что для насъ еще закрыто, невѣдомо, но что ему—усопшему—теперь открылось, стало уже не предметомъ вѣры, а живою дѣйствительностью»...

И сердце спрашиваетъ почившаго: въ чемъ тайна его спокойствія? Почему у его гроба не вѣетъ призракъ смерти, почему такъ тянетъ именно къ этому покойнику, тогда какъ отъ другого бѣжать хочется?—И тайный голосъ, голосъ со-

вѣсти нашей отвѣчаетъ намъ: посмотрите, оглянитесь на его жизнь, и вы все поймете...

5 февраля скончался почтенный старецъ, мой дядюшка, протоіерей Григорій Іоанновичъ Грузовъ, на 89-мъ году своей труженической, праведной жизни. 65 лѣтъ служилъ онъ въ священномъ санѣ, почти 55 лѣтъ—въ одномъ и томъ же бѣдномъ приходѣ и только тяжкая болѣзнь заставила его разстаться съ любимою паствою, съ тѣми, кого онъ крестилъ, вѣнчалъ, съ кѣмъ дѣлилъ всѣ скорби и радости... Помнится, разъ, проѣзжая черезъ Кострому, я стоялъ обѣдно въ соборѣ, гдѣ служилъ преосвященный Тихонъ. На семъ служеніи онъ далъ санъ протоіерея одному вотъ изъ такихъ смиренныхъ служителей алтаря, восьмидесятилѣтнему старцу; во время причастного стиха, онъ представилъ мнѣ сего старца съ словами: «вотъ кѣмъ стоитъ Русская земля». Да, вотъ такими смиренными служителями Церкви Божіей, какъ этотъ невѣдомый мнѣ старецъ, какъ мой нынѣ почившій дядюшка, пока и крѣпка наша Русь православная; въ тишинѣ и безвѣтности, скромно и въ простотѣ сердца они дѣлаютъ свое дѣло, воспитывая народъ въ страхѣ Божіемъ, въ послушаніи родной маіери—Церкви, въ преданіяхъ и завѣтахъ родной старины, въ беззаветной любви къ Царю и Отечеству... Съ ними, вотъ съ этими смиренными батюшками, нашъ народъ прошелъ черезъ всю свою тысячелѣтнюю исторію, перенесъ и иго татарское, и крѣпостную зависимость, и глады, и моры, и нашествія иноплеменныхъ; они утѣшали его во всѣхъ невзгодахъ историческихъ, дѣлили съ нимъ горе его, помогали ему нести тяжелый крестъ жизни; согрѣвали его сердце утѣшеніями вѣры и благодати Христовой. Это были—пѣстуны народные на протяженіи тысячи лѣтъ исторіи нашего народа; это были стражи народной души и всѣхъ тѣхъ сокровищъ, которыми наградила Русскій народъ его любящая мать—

православная Церковь. Храмъ Божій да «батьюшка родимый» — вотъ кто ближе всѣхъ стоялъ къ народу, кто воспитывалъ душу народную, кто былъ ея ангеломъ хранителемъ...

Такимъ вотъ былъ и покойный отецъ Григорій. Сынъ бѣднаго сельскаго дьячка (род. въ 1825 году), онъ провелъ свое дѣтство въ родномъ Чапниковѣ, въ многолюдной семьѣ отца, подъ благодатными вѣяніями родного храма Живоначальной Троицы, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, ходилъ по приходу славить Христа въ Рождество и Пасху, собирая грошники, любимый прихожанамъ, воспитываемый матерью въ страхѣ Божіемъ и уваженіи къ старшимъ. Съ добродушною шуткой рассказывалъ покойный, какъ мать, провожая его до Москвы, чтобы записать въ духовное училище, строго наказывала ему: «смотри, сыночекъ, будь ко всѣмъ почтителенъ, всѣмъ старшимъ кланяйся». И воспринялъ послушный сынъ урокъ матери: лишь только вошли въ заставу, какъ Гришенька снялъ папку и сталъ кланяться направо и налево проходящей публикѣ... Увидѣвъ это, мать спросила: «что это ты дѣлаешь?» — «А какъ же, маменька? Вѣдь всѣ они старше меня: надо кланяться»...

На время ученія въ училищѣ пришлось мальчику пріютиться въ темномъ углу у какого-то столара; на первомъ же урокѣ ему пришлось отвѣдать и дѣтскаго горя: книгъ не было, учить урокъ не по чему; онъ такъ и сказалъ учителю, когда тотъ сталъ спрашивать урокъ. Но его оправданіе, которое ему казалось столь законнымъ, не было принято во вниманіе и за незнаніе урока мальчикъ былъ наказанъ розгою. И всю жизнь, до глубокой старости онъ помнилъ эту розгу и называлъ ее благодѣтельницаей своей, ибо она заставила его вставать пораньше, до разсвѣта бѣгать въ училище, чтобы тамъ у товарищей брать книги и готовить по нимъ уроки...

Кончилось ученіе. Грузовъ вышелъ изъ

семинаріи въ первомъ разрядѣ. Ему предлагали даже идти въ академію, но добраго юношу-идеалиста влекло призваніе послужить Церкви въ селѣ. Старая семинарія умѣла воспитывать такое стремленіе въ юношахъ. Мои братья, учившіеся спустя лѣтъ десять послѣ дяди, еще привозили вороха списанныхъ проповѣдей разныхъ авторовъ: это они готовили себѣ запасъ на время пастырскаго служенія. Теперь — увы — семинарстаго объ этомъ не думаютъ... И вотъ, молодой студентъ идетъ въ консисторію и подаетъ прошеніе на первое открывшееся священническое мѣсто въ селѣ Петровѣ, Рузскаго уѣзда, верстахъ въ 70-ти отъ Москвы. Мѣсто было изъ бѣдныхъ, соперниковъ не оказалось и онъ опредѣленъ туда. Надо искать невѣсту. Спрашиваетъ родныхъ, знакомыхъ... Указываютъ ему на семью одной просфорницы, у которой четыре дочери-невѣсты. Григорій Ивановичъ, преодолевая семинарскую застѣнчивость, идетъ къ будущей тещѣ, знакомится, начинаетъ посѣщать ея домъ.. Но зачѣмъ ходить — сказать недостаетъ рѣшимости. Старушка-просфорница рѣшается, наконецъ, помочь юношѣ: «да не стѣняйтесь пожалуста, Григорій Ивановичъ: вѣдь я знаю, зачѣмъ вы къ намъ ходите (конечно, добрые сваты ее предупредили), говорите откровенно: которая же вамъ больше нравится?» — «А какую, мать, благословишь, такую и возьму!» отвѣчаетъ женихъ. И мать, слѣдуя примѣру ветхозавѣтнаго Лавана, отдаетъ ему старшую изъ дочерей своихъ. И свадьба скоро состоялась. Взявъ Григорій Ивановичъ у одного барина сюртукъ для вѣнчанія, посвятился во іереи и съ молодою супругою отправился въ невѣдомое дотолѣ Петрово.

Былъ ненастный ноябрьскій вечеръ. Грязь, слякоть, холодъ, дождь хлесталъ въ лицо. Тьма такая, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Возница провезъ молодого іерея мимо церкви и по старому проспекту, временъ Екатерины Второй, привезъ его въ сосѣдную деревню. Увидѣвъ

въ избѣ огонекъ, о. Григорій слѣзъ съ тележки и постучался въ окно, чтобы спросить дорогу. Окно открылось, и старикъ сказалъ батюшкѣ, чтобъ поворачивали назадъ: село они пробѣхали...

Вернулись. Разглядѣли церковь. Рядомъ чей-то домъ. Постучались и здѣсь. Оказалось—тутъ живетъ о. дьяконъ. Хозяинъ радушно принялъ своего будущаго настоятеля. На утро о. Григорій пошелъ въ храмъ Божій, гдѣ Богъ привелъ ему служить, и при видѣ его заплакалъ!... Старый деревянный храмъ весь перекосялся, отворишь дверь—не затворишь, стѣны немпоны, съ потолка сыплется иней, а стало быть, если сойдется народъ, то польеть и дождь...

Послѣ храма дошелъ осматривать свое будущее жилище. И тутъ хоть плачь! Вѣдная избушка въ два окна, вросла въ землю, полы провалились... Это домъ священника, его предшественника.

Что дѣлать? Какъ жить?...

Пошелъ знакомиться съ сосѣдями, а ихъ было только два приказчика, или, какъ они себя величали, управляющіе имѣніемъ. Приходить къ первому—оказался добрымъ человекомъ: ободрилъ батюшку, приласкалъ, побѣдѣлъ помочь, чѣмъ можетъ. Заговорилъ о. Григорій о домѣ—«надо, говорить, строить новый».—Но вѣдь нѣтъ ни денегъ, ни лѣсу?—«Все найдется, отецъ!»—Кто же повѣритъ мнѣ?—«Но почему же не повѣрить? Вѣдь жить пріѣхаль—не сбѣжишь. Вотъ поѣдемъ къ сосѣду, у него есть готовый сухой лѣсъ—отпустить!»

Поѣхали. Долго о. Григорій не рѣшался сказать, зачѣмъ пріѣхаль, да спасибо первому сосѣду: выручилъ!—«Чтожь, батя, молчишь? Проси Н. Н—ча!»—Простите: духу не достаетъ!—«А въ чемъ дѣло?»—спрашиваетъ хозяинъ.—О. Григорій рассказывалъ свою нужду.—«Ахъ, о. Григорій! Да бери, сколько тебѣ нужно!»—Вѣдь взять—платить надобно, а денегъ нѣтъ у меня.—«Сочтемся, когда-нибудь заплаатишь».

И о. Григорій, при помощи тѣхъ же добрыхъ людей (которые и денегъ дали),

построилъ себѣ домикъ, и не теряя времени въ томъ же домикѣ, гдѣ самъ жилъ съ молодою супругою, собралъ ребятинекъ деревенскихъ и сталъ ихъ учить грамотѣ. Такъ, еще въ 1848 году положено было начало церковно-приходской школѣ, лучше сказать—школѣ грамоты. Тогда не «изыскивали средствъ», не ожидали помощи ни откуда, а творили святое дѣло въ простотѣ сердца: брали ребятъ, учили ихъ по семи съ половиной съ головы за выучку читать, писать и четыремъ правиламъ ариеметики, горшокъ каши да мѣрку гороху на придачу—и дѣло кончено. Такъ велось съ незапамятныхъ временъ, въ такой школѣ учились и мы когда-то у своихъ родителей. Такъ училъ и о. Григорій. А учить онъ былъ мастеръ: все время, пока учился въ семинаріи, давалъ уроки въ барскихъ домахъ, откуда иногда за нимъ, какъ онъ, бывало, хвалился, «и каретку присылали». Дѣтей онъ всю жизнь любилъ страстно, умѣлъ какъ-то особенно ласкать ихъ, завладѣвать ихъ сердечкомъ, умѣлъ говорить ихъ дѣтскимъ языкомъ такъ, что ребятки льнули къ нему не какъ даже къ отцу, а какъ къ родимой матушкѣ.

Шли годы, и школа о. Григорія росла, ширилась, впослѣдствіи раздѣлилась на двѣ: одна обратилась въ начальную церковно-приходскую, другая въ школу для питомцевъ воспитательнаго дома. Пока не было послѣдней, о. Григорій готовилъ питомцевъ къ экзамену и, когда тѣ выдерживали экзаменъ, то онъ получалъ за выучку отъ воспитательнаго дома рублей уже по 17, по 18 съ ученика.

Настала весна. Оказалось, что рядомъ съ домомъ—болото. О. Григорій немедленно принялся осушать это болото: провелъ канавы, выкопалъ прудъ и все это—однимъ своими руками. А затѣмъ насадилъ и садъ изъ плодовыхъ деревьевъ, который впослѣдствіи сталъ давать ему до 70 рублей: яблоки и вишни онъ самъ возилъ для продажи въ Бѣлокаменную.

Но главною заботою его былъ храмъ

Божій. Онъ задался мыслію—непремѣнно построить каменный храмъ. Двадцать пять лѣтъ строилъ онъ его, строилъ безъ крупныхъ жертвователей, только на лепты прихожанъ да сборомъ по матушкѣ Россіи чрезъ «дядю Власа», и построилъ вѣдь, да какой! Трехпрестольный, съ золоченымъ пятиаруснымъ иконостасомъ, съ каменною колокольнею, и колоколъ въ 200 пудовъ отлилъ... «Все Богъ», говаривалъ старецъ, «Богъ да добрые люди—мои прихожане. Трудились, трудами созидали Божій храмъ. 25 лѣтъ возили дрова изъ лѣсныхъ дачъ, кирпичъ, товары на фабрику покойнаго Павла Григорьевича Цуркова,—они возили, а я являлся въ контору фабрики да за провозъ-то, что слѣдуетъ, и получалъ, и отвозилъ въ Москву при случаѣ, сдавалъ въ сохранную казну. Такъ и конии по грошикамъ, а когда скопили малость, строить стали... Все Богъ да мои добрые прихожане!»

Но смиренный пастырь и самъ работалъ немало. Каждый день не разъ онъ въ лѣтнее время поднимался по лѣсамъ на стройку, самъ вмѣстѣ съ десятникомъ (архитекторъ-то навѣзжалъ раза два во весь строительный сезонъ) слѣдилъ за работами, дѣлалъ указанія, самъ ѣздилъ закупать матеріалы, самъ управлялъ кирпичнымъ заводомъ, словомъ—ездѣ являлся самъ лично, не довѣряя никому изъ постороннихъ—не потому, чтобы не было у него добрыхъ и честныхъ прихожанъ: были въ тѣ времена хорошіе люди всюду,—а потому, что «своей глазокъ—смотрокъ», и товаръ выбереши лучше, и купиши подешевле»... Помню, въ 1874 году онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Новый Іерусалимъ, гдѣ я былъ тогда послушникомъ, радостный, торжествующій: «слава Богу, говорить, освященіе храма разрѣшено!» И рассказалъ, какъ принять его незабвенный святитель Московскій митрополитъ Иннокентій. «Пришелъ я къ нему не во время: онъ, батюшка, ушелъ въ баньку, говорятъ мнѣ. Такъ я завтра приду, говорю я.—«Ахъ, нѣтъ, отецъ: этого у насъ

нельзя, владыка приказалъ докладывать о всѣхъ, кто издалека пріѣдетъ, безотказно». Сижку, жду. Говорять пришелъ. Зоветь къ себѣ. Вхожу въ кабинетъ. А онъ, батюшка, царство ему небесное, выходитъ ко мнѣ запросто, въ одномъ подрясничкѣ, а съ головки-то и бородки такъ и течетъ водица... «Ну что, отецъ, скажешь? Зачѣмъ пожаловалъ?»—Разказалъ я ему, въ чемъ дѣло.—«А изъ далека ты пріѣхалъ-то?» спрашиваетъ меня.—Верстъ за 70. (Надо помнить, что въ тѣ времена еще не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни шоссеиныхъ). «А гдѣ, говоритъ, остановился?»—На постояломъ дворѣ, отвѣчаю.—«Ахъ, какъ это неудобно-то... заботливо сказалъ святитель. Надо скорѣе тебя отпустить, а то консисторія-то затянеть дѣло... Да вотъ что: я напишу резолюцію сейчасъ же, тебѣ канцелярія моя дастъ копию засвидѣтельствованную, и ступай ты съ Богомъ, покажи благочинному да и освящайте святой храмъ»... Вотъ какой былъ ангелъ Божій! И слезы благодарности къ великому равноапостольному святителю орошали старческія ланиты моего дядюшки. «Каждый день, и утромъ и вечеромъ, поминваю я его на своей грѣшной молитвѣ, прибавляя старецъ: а когда служу, то имя его съ родными своими неотмѣнно поминваю».

И храмъ былъ освященъ о благочиннымъ. О. Григорій сказалъ своимъ добрымъ сотрудникамъ-прихожанамъ слово, растрогавшее ихъ до слезъ. Вообще, онъ поучалъ своихъ духовныхъ чадъ не мудрствуя, въ простотѣ сердца и отъ сердца, словъ своихъ не писалъ, а говорилъ то, что подсказывало ему сердце да любовь къ дѣтямъ духовнымъ. И слово его, какъ доброе сѣмя, ложилось на простыя сердца и приносило плодъ по роду своему. Но, слѣдуя заповѣди апостола—любить не словомъ только, но и дѣломъ, о. Григорій показывалъ и на дѣлѣ свою любовь къ прихожанамъ. Случалось, напримеръ, что, обходя приходъ съ святынею въ Пасху, онъ замѣчалъ, что у бѣдняка мужичка дворъ раскрытъ, солома снята съ

крыши и скормлена скоту: ясно, что платить батюшкѣ за посѣщеніе у него нѣтъ ни гроша. Мужичекъ встрѣчаетъ батюшку у воротъ, беретъ благословеніе, а о. Григорій его участливо спрашиваетъ уже: «что, братъ, заплатитъ-то намъ видно нечѣмъ?»— «Не обезсудьте, родной», отвѣчаетъ тотъ. И о. Григорій, вынимая изъ кармана 15—20 к., суетъ мужичку въ руку, оглядываясь, какъ бы этого не замѣтилъ дячекъ. «Возьми, братъ, распахисъ съ нами, а то дячекъ-то будетъ скорбѣть: вѣдь я-то—попъ, я-то какъ-нибудь проживу, а онъ получаетъ восьмую копѣйку: какъ ему жить съ его большой семьей?»—И не бывало случаетъ, чтобъ эти двургривенные или пятиалтынные не возвращались батюшкѣ, хотя поздней осенью, съ глубокой благодарностью. Вотъ почему такъ горячо любили его прихожане и надо было видѣть, какъ они провожали его, когда онъ, послѣ тяжкой, въ теченіи цѣлаго года болѣзни, рѣшился выйти за штатъ; толпами провожали его до границы прихода и горько плакали—эти мужики, эти грубия на видъ натуры... А когда старецъ поселился въ Москвѣ, то нерѣдко, бывая въ Москвѣ, навѣщали его, своего «батюшку родимаго», приносили ему немудрые деревенскіе гостинцы. Да и въ Петровѣ, не смотря на бѣдность прихода, домъ его, милостію Божіей и любовію прихожанъ, можно было назвать полною чашею: были у него и лошадки, и коровки, и овечки, были и гуси, и утки на его трудовомъ пруду, родилась у него въ полѣ и ржца, и гречиха, и картошка, и вика... Все Богъ благословлялъ!

Любилъ покойный переноситься воспоминаніями и въ свое родное Петрово. Съ какою благодарностію къ Богу рассказывалъ онъ о своемъ житіи-бытіи въ этомъ скромномъ уголкѣ Московской епархіи! Нерѣдко слезы лились изъ очей его, слезы, сопровождаемыя славословіемъ ко Господу. И спогнѣвъ отъбить эту добрую черту въ его духовномъ облигѣ: умѣлъ онъ крѣпко привязываться къ людямъ; за то гдѣ онъ ни бы-

валъ, гдѣ ни жилъ—вездѣ Богъ посылалъ ему людей, которые умѣли цѣнить его доброе сердце, отвѣчали ему любовью и давали его отзывчивому сердцу пищу къ изліянію благодарности къ Богу за любовь этихъ людей и къ молитвѣ за нихъ.

Можно думать, что благодаря вотъ этой кристальной чистотѣ и простотѣ его добраго сердца добрые люди помогли ему и сыновьямъ дать образованіе незаурядное: милостію Божіей они служатъ теперь въ чинахъ, сердцемъ унаслѣдовавъ доброе сердце своего старца-родителя...

Любилъ, страстно любилъ старецъ сельскую природу: до восхода солнечнаго вставалъ онъ въ лѣтнее время, шелъ въ лѣсъ или поле косить, пахать, въ полѣ и отдыхалъ, а если бывала служба, то еще до утрени, бывало, наработается, а вечеромъ ложился послѣ заката солнца. Спалъ такъ мало, что всѣ удивлялись ему. Питался тѣмъ, что приготовить ему матушка—его вѣрный неизмѣнный спутникъ въ жизни, другъ въ скорбяхъ, помощникъ въ трудахъ. Она была ему ровесница: только на три мѣсяца моложе и скончалась лишь въ августѣ минувшаго года, за пять мѣсяцевъ до его кончины. Жили какъ два ласковыхъ голубка, давая примѣръ и дѣтямъ и прихожанамъ. Въ характерѣ, въ личныхъ качествахъ они какъ будто восполняли другъ друга. Покойный приписывалъ эту милость Божію тому, что не самъ онъ выбралъ себѣ подругу жизни, а положился на волю Божію. И когда скончалась эта добрая старица, о. Григорій подошелъ къ ея постели, преклонилъ колѣна и, цѣлуя почившую, сквозь слезы трогательно промолвилъ: «и зачѣмъ ты меня покинула? Ужъ взяла бы и меня съ собой!»... И сталъ готовиться къ исходу въ вѣчную жизнь: часто говѣлся, причащался Святыхъ Таинъ и, наконецъ, освятился елеопомазаніемъ. Отпраздновавъ день своего ангела 25 января, онъ уже не вставалъ съ постели и 5 февраля тихо отошелъ ко Господу...

Въ погребеніи его участвовали нѣсколько

іереевъ—сродниковъ его, и, хотя онъ недавно жилъ въ приходѣ св. Троицы, что на Капелькахъ, но къ погребенію собралось много народа: видно такъ было угодно Господу Богу почитать старца Божія общецерковною молитвою...

О. Григорій являлъ въ себѣ типъ патриархальнаго священника: всецѣлая преданность Богу, служеніе ближнему въ простотѣ любящаго сердца, готовность во всякое время отдать послѣднее нуждающемуся, крѣпкая вѣра въ промыслъ Божій— вотъ чѣмъ онъ жилъ самъ и училъ другихъ тому же. И на немъ удивительно исполнялось слово Господа: *ищите прежде всего царства Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ*. Онъ по мѣрѣ силъ въ простотѣ сердца дѣлалъ свое дѣло и вѣрилъ, что Господь во время благопотребное не оставитъ его. И по вѣрѣ его всегда бывало такъ. И храмъ, и колокольню, и школу, и домъ себѣ онъ построилъ, и дѣтей воспиталъ, а долговъ не оставилъ: во всемъ Богъ помогалъ.

Когда мнѣ приходится бесѣдовать съ молодыми іереями, то я нерѣдко указываю имъ на примѣры такихъ старцевъ Божіихъ іереевъ, питомцевъ старой школы, носителей старыхъ завѣтовъ Руси святой. И грустно и больно становится, когда оглянешься кругомъ и не видишь въ молодомъ поколѣніи такихъ патриархальныхъ типовъ служителей Божіей Церкви. Встрѣчаются ревностные проповѣдники, школьные дѣятели, борцы съ пьянствомъ,—и за то, конечно, слава Богу,—но слишкомъ мало такихъ, въ коихъ самоцѣль былъ бы совершенно убить сознаниемъ, что сами-то они—круглый нуль, ничто, что если что и творится доброе чрезъ нихъ, такъ вѣдь это отнюдь не они дѣлаютъ, а Богъ чрезъ нихъ: Богъ и средства посылаетъ, и случай даетъ, и силы, и время—все отъ Бога, и слава Ему—милосердому! Въ душѣ такихъ старцевъ живетъ страхъ: какъ бы не принести себѣ чего-нибудь въ дѣлѣ Божіемъ, какъ бы не лишиться за

это Божія благословенія и помощи въ бдущемъ. Это—страхъ Божій, начало-основа духовной мудрости, духовнаго разсужденія. Даже помыслить, что вотъ это сдѣлалъ я, они считаютъ святотатствомъ. Оттого и проявляется въ ихъ пастырской дѣятельности незримое для другихъ, но для нихъ самихъ сердцемъ осязаемое водительство деисницы Божіей. Нельзя быть добрымъ пастыремъ, если не воспитаешь въ себѣ, въ чувствѣ своего сердца, этого мистическаго настроенія, этого живого ощущенія водительства Божія въ пастырскомъ служеніи. Не свое дѣло дѣлаемъ, а Христово; мы Его послушники, Его работники и даже болѣе—*сотрудники*. И дѣло Его—великое: воспитывать чаду царства Божія, будущихъ гражданъ Иерусалима небеснаго. *Къ симъ—кто доволемъ?* восклицалъ некогда избранный сосудъ благодати—апостолъ Павелъ. А онъ имѣлъ умъ Христовъ, онъ дерзалъ говорить о себѣ: *не ктому азъ живу, но живу въ мнѣ Христосъ...* Живеть, а слѣдовательно и дѣйствуетъ. Если же такъ судить о себѣ великій Павелъ, паче всѣхъ потрудившійся въ благовѣстіи Евангелія, первоверховный среди апостоловъ, то что речемъ о себѣ мы грѣшныя, недостойнѣйшіе носители благодати Божіей, служители Церкви?... Но у Христа таковъ законъ: чѣмъ кто больше сознаетъ свою немощь, свое негодность, тѣмъ ближе къ тому и Его благодать: *сила бо Его въ немощи совершается*. Вотъ почему, если и всякому христіанину, то тѣмъ паче пастырю Церкви подобаешь всякимъ храненіемъ хранить, какъ неоцѣненное сокровище, какъ нѣжный благоуханный цвѣтокъ оберегать въ чувствѣ сердца сознание своего ничтожества, своей безпомощности, постоянной нужды въ Божіей помощи...

Вотъ чѣмъ сильны были іереи Божіи, подобные смиренному о. Григорію. Они крѣпко вѣровали, что Христосъ не оставитъ безъ помощи, не допустить до голоданія и нужды безысходной Своего ра-

ботника и въ основѣ ихъ нравственнаго устройства глубоко лежало сознание, что смиренное чувство своего недостаточества есть та стихія, которой долженъ жить истинный слугитель Христовъ...

Епископъ **Никонъ.**

Совѣсть — чудо Божіе въ душѣ человѣческой.

(Изъ размышленій о чудесахъ Божественной премудрости въ дивномъ устройствѣ міра и человѣка).

Легкомысленные и невѣрующіе люди говорить, что чудесъ не бываетъ и быть не можетъ. Неправда: мы живемъ среди чудесъ, отовсюду окружены ими и не замѣчаемъ ихъ только по привычкѣ. Чудесъ много въ Божіемъ мірѣ, но поразительнѣйшимъ изъ чудесъ я считаю совѣсть, это удивительнѣйшее явленіе психической жизни совершенно необъяснимое безъ идеи о Богѣ.

Совѣсть есть сознание безусловной обязательности вѣдннй нравственнаго чувства или внутренняго нравственнаго закона, сопровождаемое чувствомъ внутренняго самоудовлетворенія при исполненіи его и мученіями, такъ наз. угрызениями при нарушеніи послѣдняго (стыдомъ, отвращеніемъ къ себѣ, сожалѣніемъ и раскаяніемъ, страхомъ суда Божія и человѣческаго, тоскою, отчаяніемъ и т. д. до самоубійства включительно). Все въ этомъ сложномъ психическомъ феноменѣ удивительно. Удивительно то, какъ безъ философіи, безъ собственныхъ размышленій, опыта и изученія нравственныхъ вопросовъ всякій, самый простой человѣкъ получаетъ твердое и ясное знаніе, что хорошо и что дурно, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Удивительно то, какъ совѣстью въ этомъ случаѣ немудрые, младенцы по уму, даже дикари и дѣти возвышаются надъ мудрыми міра, надъ глубокомысленными философами,

которые въ поискахъ истины и добра и въ переоцѣнкѣ цѣнностей по усмотрѣнію своего ума, безъ указанія совѣсти запугиваются въ туманѣ своихъ умствованій и софизмовъ, всегда учатся и не приходятъ къ познанію истины, по слову апостола (2 Тмо. 3, 7).

Удивительно въ совѣсти, что она служитъ вѣрнымъ маякомъ на пути къ добру. Но еще поразительнѣе въ совѣсти то, что, указывая, освѣщая путь къ добру, она оберегаетъ насъ отъ заблужденій, охраняетъ въ насъ добро, какъ внутренній судія и стражъ закона. Совѣсть не только указываетъ намъ путь къ добру, но судитъ и наказываетъ насъ за нарушеніе добра.

Вотъ передъ нами закоренѣлый злодѣй, убѣжденный атеистъ и матеріалистъ, отрицающій Бога, совѣсть и душу. Онъ смѣется надъ совѣстью и, какъ Францъ Мооръ изъ *Разбойниковъ* Шиллера, онъ называетъ совѣсть «поповскими бреднями», «страшными сказками вянекъ и кормилицъ», «воробьинымъ пугаломъ», «цѣплями суевѣрной тьмы» и т. д. Такой преступникъ не боится суда Божія, онъ боится только суда человѣческаго. Вотъ въ тщи ночи, подъ покровомъ мрака онъ успѣшно совершаетъ задуманное преступленіе. Бога нѣтъ, совѣсть—сказки», люди не видали, а кончается все тѣмъ, что преступникъ самъ себя отдаетъ въ руки человѣческаго правосудія, котораго онъ такъ боялся! Что страшнѣе смерти, въ особенности для преступниковъ, которые имѣютъ основаніе по выраженію Шиллера «болѣе другихъ бояться смерти и потери жизни?» «Жизнь, говоритъ Карлъ Мооръ, есть единственный выигрышъ для злодѣевъ, за нею слѣдуетъ нѣчто ужасное, и злодѣи не безъ основанія дрожать предъ смертью». Что страшнѣе, говорю я, смерти для злодѣевъ? Однако и злодѣи нерѣдко мученіямъ совѣсти предпочитаютъ смерть. Не диво ли все это? Не диво ли, что всѣ самыя крайнія напряженія невѣрія и безнравственности отвергнуть совѣсть, какъ голосъ суда Божьяго, не